

ПОВОРОТНАЯ ВЕХА В РАЗВИТИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась переломным этапом не только в экономике и политике, но и в идеологии, в формах общественного сознания. Она не могла не оказать определяющего воздействия на развитие всех общественных наук, потому что была органически с ними связана.

Ни в какой другой социальной революции, происходившей прежде, науке не принадлежала столь выдающаяся роль, как в Октябрьской революции. Эта революция подготавливалась и осуществлялась под знаменем подлинно научной теории. Победа социалистической революции в России невозможна была бы без марксистско-ленинской науки об обществе, которой руководствуется в своей деятельности Коммунистическая партия. Победившая же революция стала в свою очередь мощным фактором распространения социалистической идеологии и дальнейшего прогресса всех наук.

Исторический материализм возник задолго до победы социалистической революции в России. Создание этого метода Марксом и Энгельсом дало им возможность разрешить те задачи, которые были непосильны для буржуазной исторической науки, т. е. раскрыть закономерности общественного развития. Но, несмотря на появление марксистской исторической литературы, несмотря на известное влияние этой литературы и на некоторых буржуазных историков, в дооктябрьский период господствующее положение во всех странах Европы и в США занимала буржуазная историография. Это обстоятельство — естественное следствие зависимости науки в капиталистических странах от того класса, которому принадлежат все материальные богатства и политическая власть в государстве.

Марксистская историография, зародившаяся в недрах буржуазного общества, не располагала ни материальной базой, необходимой современной исторической науке, ни достаточным количеством теоретически подготовленных кадров специалистов для того, чтобы разрешить стоявшие перед ней грандиозные задачи. Энгельс отмечал в письме к К. Шмидту 5 августа 1890 г., что «всю историю надо изучать заново». Классики марксизма-ленинизма выполнили гигантский труд по научному осмыслению мировой истории. В работах Маркса и Энгельса раскрыты основные закономерности не только капиталистического общества, но и предшествующих социальных формаций, в том числе и рабовладельческой. В трудах В.И. Ленина был дан анализ последней стадии капитализма и развиты дальше марксистские взгляды на историю докапиталистических формаций. Но все же миссию пересмотра всей мировой истории с марксистских позиций

не могли выполнить немногочисленные теоретики партии рабочего класса, которые вдобавок львиную долю времени и внимания уделяли непосредственно революционной борьбе пролетариата.

Со времени Октябрьской революции в развитии исторической науки начинается новый этап. Уничтожив буржуазный строй и создав социалистическое государство, эта революция вызвала к жизни мощный фактор развития всех наук и, в частности, исторической науки. В то же время сам факт победы социалистической революции, блестяще подтвердив правильность научной теории исторического материализма, обусловил рост авторитета и влияния марксистской историографии как в первом социалистическом государстве, так и за его пределами. Все это не означает, разумеется, что советская историческая наука появилась из Октябрьского вооруженного переворота сразу в законченном виде и во всеоружии, как Афина из головы Зевса.

Молодое социалистическое государство не имело своей готовой, сложившейся историографии. Во всех научных исторических учреждениях, в высшей школе господство принадлежало в первое время еще буржуазным историкам. Русская буржуазная историография в свое время сыграла выдающуюся роль в развитии всей мировой исторической науки. Убедительными свидетельствами успехов русской историографии древнего мира служат труды Б. А. Тураева в египтологии и М. В. Никольского в ассириологии, эпиграфические исследования В. В. Латышева, работы по экономической истории Римской империи М. М. Хвостова и «Введение в римскую историю» В. И. Модестова, а также многие другие исследования. В России историография в большей степени, чем в какой-либо другой стране, испытала влияние марксизма. Но в целом, несмотря на достижения в накоплении и описании исторических фактов и явлений, русская дореволюционная историография, как и вся мировая буржуазная историческая наука, переживала кризис.

Революция нанесла сильнейший удар по буржуазной идеологии и тем самым ускорила падение буржуазной исторической школы в России. Но реакционная историография не сдавала своих позиций без боя.

Формирование советской исторической науки проходило в упорной борьбе передовых ученых против реакционных буржуазных школ и течений в историографии, причем на первом этапе этой борьбы после революции перевес сил находился отнюдь не на стороне историков-марксистов. В истории древнего мира, например, в первые годы после революции широкое распространение имели работы буржуазных историков, которым молодая советская историография не могла противопоставить, кроме работ основоположников марксизма, почти никаких марксистских трудов.

Но процесс формирования советской исторической науки протекал в благоприятной обстановке. Советское государство и Коммунистическая партия, рассматривая науку как исторически движущую революционную силу, создали условия для такого быстрого подъема науки, который возможен лишь в социалистическом обществе.

Руководствуясь ленинским положением о том, что специалисты придут к коммунизму «через данные своей науки, по своему», партия и советское государство терпеливо помогали ученым старой школы овладевать марксистско-ленинской методологией и повышать уровень своей научной работы. Партия заботливо оберегала то научное наследство, которое революция получила от дореволюционной России. В годы гражданской войны в типографиях Москвы и Петрограда, рядом с брошюрами и плакатами, призывавшими рабочих и крестьян сражаться за власть Советов,

печатались такие книги, как монография М. М. Максимовой о греческих вазах архаического периода, «История римского права» М. М. Хвостова, «Египетская литература» Б. А. Тураева и т. п.

Характерно, что еще в 1919 г., т. е. в то время, когда советский народ с оружием отстаивал свое существование, В. И. Ленин подписал декрет о создании Российской Академии материальной культуры (ныне — Институт истории материальной культуры).

После революции продолжали плодотворную научную работу такие историки старой школы, как Б. А. Тураев, В. В. Латышев, Ф. И. Успенский, И. М. Гревс, Б. В. Фармаковский, С. А. Жебелев и многие другие. В начале 20-х годов создан был исторический институт, вошедший в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов (РАНИОН). Эта ассоциация, в основу деятельности которой положен был принцип совместной работы ученых марксистов и немарксистов, сыграла важную роль в постепенном переходе части буржуазных историков на позиции марксизма-ленинизма. В то же время со стороны партии и советского государства принимались энергичные меры для выращивания кадров молодых, владеющих марксистской методологией историков. Еще в 1918 г. создана была Социалистическая Академия (впоследствии Комакадемия), представлявшая собой центр научной работы в области общественных наук; три года спустя организованы были Институты красной профессуры, исторические отделения которых готовили преподавателей истории для высшей школы, учрежден был Институт Маркса — Энгельса.

Все эти мероприятия помогли внести свежую струю в историческую науку. Немалое влияние на обновление науки оказывали и те изменения, которые произошли в жизни высшей школы. Победоносная социалистическая революция широко распахнула двери в университеты рабочей и крестьянской молодежи. Новая же демократическая аудитория не склонна была проявлять терпимое отношение к антимарксистским концепциям, которых продолжала придерживаться часть буржуазной профессуры. В то же время и на самих ученых не могли не оказать глубокого влияния происходившие на их глазах великие исторические преобразования. Упрочение советского государства и успехи социалистического строительства с одной стороны, прогрессирующий кризис и упадок капитализма, с другой, подталкивавшие марксистскую концепцию исторического процесса, побуждали многих историков пересматривать свои идейные установки. Отдельные же буржуазные историки (например, Ростовцев), не желавшие мириться с установлением нового общественного строя, предпочли утратить твердую почву отечественной науки и эмигрировали.

Оказывая всяческую поддержку историкам-марксистам в их идейной борьбе против реакционных концепций буржуазной историографии и оппортунистических ревизионистских взглядов, партия выступила также и против вульгаризации исторического материализма. Ряд советских историков, отбрасывая антинаучную и реакционную интерпретацию исторического процесса буржуазных историков, сам встал на путь бесплодной конструкции отвлеченных социологических схем. Игнорируя известное ленинское положение о том, что живую душу марксизма составляет конкретный анализ конкретной ситуации, историки школы Покровского пытались уйти от изучения конкретного исторического материала. Подобная вульгаризация марксизма нанесла большой ущерб изучению истории древнего мира, тем более, что М. Н. Покровский и его последователи фактически ограничивали область исторических исследований новейшей историей. Преодолев с помощью партии эти извращения марксистской методологии, историческая наука смогла быстро двинуться вперед. Вни-

вание, которое Коммунистическая партия и Советское государство уделяли развитию исторической науки, выразилось также в создании мощной материальной базы для исторических исследований.

Организация ряда научно-исследовательских институтов, основание единого государственного архивного фонда, предоставление больших средств на археологические раскопки обеспечили такую прочную базу для исторической науки в СССР, о которой могли лишь мечтать историки дореволюционной России.

Уже в 20-х годах начинает складываться советская историография древнего мира. В 1920—1922 г. сделан был первый опыт марксистского изложения истории древней Греции (трехтомная работа А. И. Тюменева «Очерки экономической и социальной истории древней Греции»), а в 30-х годах также истории древнего Востока и Рима (работа В. В. Струве «Проблемы зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока» в 1934 г., «Очерки по истории древнего Рима» В. С. Сергеева в 1938 г.).

Таким образом, особенностью формирования исторической науки после Великой Октябрьской социалистической революции является то, что она развивалась при деятельной поддержке со стороны Коммунистической партии. Благодаря этой помощи за короткий промежуток времени, менее, чем за два десятилетия, в первом социалистическом государстве сложилась новая историография, представляющая собой в целом более высокую ступень развития науки по сравнению с дореволюционной русской и зарубежной буржуазной историографией.

Главная характерная черта исторической науки, возникшей под влиянием Октябрьской революции,— ее марксистско-ленинская методология. Благодаря широким обобщающим трудам историков-марксистов вся мировая история, от докалассового общества и до современного периода сосуществования социалистической и капиталистической систем, предстала как единый закономерный процесс развития. Лишь применение исторического материализма дало возможность советской исторической науке успешно разрешить ряд проблем, представлявших собой камень преткновения для буржуазной историографии, начиная от характера социально-экономического строя государств древнего Востока вплоть до проблемы происхождения первой и второй мировых войн.

Прочное усвоение марксистско-ленинской методологии советской исторической наукой привело также к определенным структурным ее изменениям. Так, например, археология, прежде нередко сводившаяся к эмпирическому «вещеведению», теперь была подчинена общей задаче изучения прошлого народов, создавших те или иные памятники материальной культуры, и стала органической составной частью исторической науки.

Не случайно поэтому именно марксистско-ленинская основа советской исторической науки подвергается особенно ожесточенной критике со стороны буржуазных историков и социологов. Последние нередко признают выдающиеся достижения советских ученых в археологии и в исследовании некоторых частных исторических проблем. Так, например, в докладе А. Момильяно «О современном состоянии изучения древней истории» на X Международном конгрессе историков в 1955 г. в Риме отмечалось, что наиболее значительными достижениями в мировой археологии за последнее десятилетие являются раскопки русских ученых в степях Евразии. Общие же методологические установки советских ученых ведут советскую историческую науку, с точки зрения ее буржуазных критиков, к фатализму, односторонности, учету влияния лишь одного

фактора исторического развития — экономического, к догматизму и т. п. Все эти недостатки, однако, присущи не марксистско-ленинской исторической науке, а вульгаризаторам марксизма, с которыми реакционные буржуазные историки тенденциозно пытаются поставить на одну доску советскую историческую науку. Последняя же, рассматривая материальное производство как важнейший фактор развития человеческого общества, учитывает также роль политических и идеологических условий.

В фонде советской историографии, наряду с работами, посвященными экономическим отношениям, имеется немало ценных исследований, касающихся истории политических учреждений и политической борьбы, истории различных форм идеологии. И работы, посвященные эллинистической цивилизации или восстанию Спартака, идейно-политической борьбе в Риме накануне падения республики или принципату Августа, занимают не менее почетное место в советской исторической литературе, чем труды о храмовом и царском хозяйстве древнего Шумера или о типах сельского хозяйства в Италии I в. Разумеется, в советской историографии имеется еще немало пробелов. Но если советские историки еще недостаточно занимаются такими, например, отраслями исторической науки как просопография, то не из-за того, что последняя считается «буржуазной» наукой, как полагает А. Момильяно, а лишь потому, что молодая советская историография не успела еще уделить должное внимание этой нужной, но отнюдь не главной, отрасли исторической науки.

Рассматривая развитие человеческого общества, как закономерный исторический процесс, советская историческая наука в то же время чужда фаталистического подхода к истории. Она исходит из того положения, что существующие объективно общественные законы реализуются лишь благодаря деятельности людей, классов, народных масс. И отсюда вытекает другая отличительная черта советской исторической науки — особое внимание к изучению истории производителей материальных благ, к изучению народных движений и классовой борьбы.

Советские историки не ограничиваются при этом постулированием положения о решающей роли народных масс в истории в общей форме, но направляют основные свои усилия на исследование конкретных форм воздействия народных масс на ход общественного развития в различные исторические эпохи.

Советская историография отличается также тем, что ей чужд антинаучный европоцентризм, который до сих пор в различных вариациях присущ буржуазной исторической науке. Утонченной разновидностью этого европоцентризма является интерпретация мировой истории А. Тойнби. Последний, формально выступая за универсальную всемирную историю, в то же время противопоставляет Запад Востоку как извечно чуждые друг другу цивилизации. Советские историки расширили сферу своих исследований по сравнению с традиционным кругом интересов буржуазных ученых. Советская историография, например, наряду с изучением «классического» Востока уделила большое внимание также исследованию древней истории народов Средней Азии, Закавказья, Китая, Индии и других стран. Если европоцентризм отражает апологетический по отношению к «западной цивилизации» (точнее — к империализму и колониализму) характер буржуазной историографии, то универсальность советской исторической науки — проявление интернационализма, этого органического элемента социалистической идеологии.

Неотъемлемой чертой советской историографии является также ее партийность. Эта черта советской исторической науки давно является объектом самых назойливых нападок со стороны адептов буржуазной

идеологии, которые, лицемерно умалчивая о партийности буржуазной исторической науки, обвиняют советскую историографию в «тенденциозности». Один американский автор доказывал, что в Советском государстве Клио утратила свою беспристрастность, поступив на службу к практической политике. Историк-марксист, уверяет этот автор, «...будучи далек от того, чтобы оставаться выше пыла битв, представляет собой солдата в рядах армии коммунизма». То, в чем буржуазные критики видят *corpus delicti*, для советской историографии — дело чести. Историк-марксист, действительно, стремится не только объяснить мир, но и активно участвовать в его преобразовании. Но это не исключает, а наоборот, предполагает объективность советской исторической науки. Партийность не совместима с объективностью для тех направлений в общественных науках, которые отражают идеологию реакционных отживающих классов, заинтересованных в фальсификации исторической действительности. Марксистская же историческая наука проникнута идеологией передового класса общества, который нуждается в объективном освещении закономерностей общественного развития.

Партийность советской исторической науки выражается прежде всего в ее непримиримой борьбе против всех проявлений буржуазной идеологии. Если судить по внешним данным, то в капиталистических странах Запада научная историческая жизнь бьет ключом: одна за другой появляются многотомные всемирные истории, в массовом порядке печатаются монографии, посвященные самым разнообразным историческим проблемам, издаются сотни специальных исторических журналов, высокого уровня достигла исследовательская техника. Но за этим внешним благополучием скрываются очевидные признаки упадка и регресса.

Кризис буржуазной историографии резко обозначился еще тогда, когда капитализм вступил в последнюю фазу своего развития. Октябрьская революция еще более углубила этот кризис.

В настоящее время, следуя за вереницей других идеалистических антинаучных направлений, модным течением западной буржуазной историографии стал презентизм, оспаривающий возможность познания закономерностей исторического процесса. Широкое распространение получили и другие школы, отрицающие исторические законы и поступательность движения мировой истории, культивирующие субъективизм в отборе и оценке исторических фактов, стремящиеся окончательно погасить дух историзма. Идеалистическая интерпретация исторического процесса все чаще переходит в неприкрытую мистику и теологию. Модернизация исторического прошлого, имеющая своей целью подорвать устои марксистской концепции последовательной смены социально-экономических формаций, проходит красной нитью через всю буржуазную историографию эпохи империализма от Мейера и Пельмана до Ростовцева и Тойнби. В настоящее время эта модернизация нередко выливается в гротескные формы. Одни маститые представители западной историографии сопоставляют ассирийское государство с фашистской Германией, другие проводят аналогию между реформами Ван Мана и «новым курсом» Франклина Рузвельта.

Советская историческая наука видит поэтому важнейшую свою задачу в том, чтобы, оценивая с позиций марксизма-ленинизма процесс исторического развития, вскрывать одновременно реакционную сущность современной буржуазной историографии.

Советской исторической науке не присуща, однако, сектантская ограниченность. Она не закрывает глаза на ценные работы буржуазных историков в области фактических специальных исследований и готова пере-

нять лучшее из того, что создано и создается еще сейчас зарубежными учеными.

Советские историки, как и представители других отраслей науки, всегда высказывали свою готовность к сотрудничеству в области науки и культуры с учеными капиталистических стран. Наглядными примерами таких контактов может служить участие советских ученых в работе международных конгрессов историков, начиная от конгресса в Осло в 1928 г. и вплоть до последнего Римского конгресса 1955 г., чтение лекций иностранными историками в Советском Союзе, обмен научной литературой и т. п.

Подобное сотрудничество никоим образом не означает, однако, признания принципа сосуществования двух различных систем в идеологии.

Некоторые буржуазные ученые жалуются на «нетерпимость» советской науки. Так, на X Международном конгрессе историков в Риме немецкий историк Г. Риттер укорял советских ученых в том, что они в своей полемике против западной историографии «не знают никакой меры», а французский историк П. Ренувен доказывал, что материалистическая и идеалистическая концепции в историографии могли бы дополнять друг друга и мирно уживаться. Советская историческая наука исходит, однако, из признания антагонистичности буржуазной и социалистической идеологии. Она не может поступаться цельностью и последовательностью своего мировоззрения. Поэтому для нее абсолютно не приемлемы какие-либо предложения ослабить борьбу против методологических основ буржуазной историографии.

Партийность советской исторической науки обуславливает также нетерпимое ее отношение ко всяким отклонениям от марксистско-ленинского мировоззрения в собственных рядах, к проявлениям догматизма и начетничества, остаткам влияния культа личности в истории, рецидивам вульгаризаторских взглядов на исторические явления.

Особенностью советской исторической науки, вытекающей из самой природы социалистической системы, является также плановость. Применение принципа плановости в науке, имеет, разумеется, свои специфические черты по сравнению с другими областями общественной жизни, с народным хозяйством. Ученый-историк свободен в выборе темы своего исследования и в определении круга своих научных интересов. Но деятельность научных учреждений и коллективов историков координируется, перед ними ставятся общие задачи в соответствии с потребностями общества и государства.

Благодаря плановому началу научная деятельность историков становится более целеустремленной и эффективной. Социалистическая общественная система порождает и другую характерную черту советской исторической науки — дух коллективизма. В современном буржуазном государстве историк по существу так же, как сотни лет тому назад, представляет собой тип индивидуально обособленного ученого. Советские историки — члены научных коллективов, связанные друг с другом не только общностью цели и идейных установок, но и тесным взаимодействием в своей работе. Сам метод работы советских историков, предполагающий развитие деловой принципиальной критики, проведение творческих дискуссий, способствует взаимному духовному обогащению ученых-историков и повышает общий уровень научной работы.

Историография, созданная Октябрьской революцией, отличается от буржуазной исторической науки еще и тем, что она близка народу. Эта черта проявляется не только в особом внимании, уделяемом советской исторической наукой истории производителей материальных благ,

но и в широком распространении исторических знаний среди народных масс. Вся система народного образования и политического просвещения, сложившаяся в социалистическом государстве, — постепенное введение всеобщего среднего образования, наличие широкой сети исторических и других гуманитарных факультетов, партийных школ (где также изучаются отечественная и всеобщая история), университетов марксизма-ленинизма, издание массовыми тиражами исторической литературы, — обуславливает демократизацию исторической науки. История перестает быть достоянием лишь узкого круга специалистов и становится доступной широким слоям членов социалистического общества. Распространение же исторических знаний и интереса к истории среди народных масс создает благоприятную почву для постоянного притока новых сил в историческую науку и для ее расцвета.

Отмеченные выше черты советской исторической науки, ее марксистско-ленинская методология, партийность, дух коллективизма и тесная связь с народом, а также поддержка со стороны Коммунистической партии и социалистического государства, и обусловили успехи историографии, созданной Октябрьской революцией.

К числу узловых проблем древней истории, успешно разрабатываемых советскими историками, относятся хозяйственный строй древнего Египта и стран Передней Азии, социальные движения на древнем Востоке, в Греции и Риме, сущность эллинизма и его историческая роль, падение Римской республики и установление империи, раннее христианство, кризис Западной римской империи и др. Безусловный приоритет принадлежит советской исторической науке в изучении древней истории народов Средней Азии, Закавказья, Сибири, а также истории Северного Причерноморья. Исключительно ценным вкладом в мировую науку являются труды советских урартологов, особенно корпус и грамматика урартских надписей Г. А. Меликишвили.

На основе многочисленных специальных исследований (которые, разумеется, и сами по себе представляют крупные достижения исторической науки) созданы синтетические труды по истории древнего Востока, Греции и Рима. После длительных поисков и тщательного коллективного обсуждения были подготовлены новые университетские учебники: история древнего Востока В. В. Струве, а затем и В. И. Авдиева, история древней Греции В. С. Сергеева, обобщающие работы по истории древнего Рима В. С. Сергеева, Н. А. Машкина, С. И. Ковалева и др., началось издание Всемирной истории, первые два тома которой (уже вышедшие в свет) посвящены первобытному обществу и древнему миру.

Значение Октябрьской революции для исторической науки не исчерпывается созданием марксистско-ленинской историографии в первом социалистическом государстве.

Социалистическая революция оказала серьезное воздействие на развитие исторической науки во всем мире.

Это обстоятельство вынуждены признать в настоящее время и враждебные марксизму-ленинизму историки. Так, например, изданный в Берне «интернациональный коллективный труд» по всемирной истории (*Historia Mundi*), тенденциозно извращая сущность материалистического понимания истории, отмечает, однако, что исторический материализм стал в области идеологии «мировой силой».

В капиталистических странах Запада растет число историков, руководствующихся в своей исследовательской работе марксистско-ленинской теорией. Так, например, в Англии, еще до второй мировой войны созданы были группы историков-марксистов. В этих группах имеются секции древней истории, востоковедения и др. Журнал «*Past and Present*».

стал центром прогрессивных историков Англии. Во Франции таким же центром является журнал «*Revue*», в Италии историки-марксисты работают в институте Грамши. Марксистские исторические исследования появляются и в других буржуазных странах. Специалистам по античной истории хорошо известны ценные работы Э. Серени, Дж. Томсона, А. Робертсона, С. А. Данге, Э. Томсона и др.

Резко вырос интерес к социально-экономическим проблемам и в буржуазной историографии.

В ряде докладов, сделанных зарубежными учеными на X Международном конгрессе историков, отмечалось стремление многих молодых историков подводить под политическую историю социально-экономический фундамент, усиление внимания к изучению развития форм собственности, к проблемам классовой борьбы. Разумеется, во многих случаях интерес к подобным проблемам вызван желанием буржуазных ученых дать бой марксизму на его собственной территории. Но в капиталистических государствах множится число и таких историков, которые действительно стремятся в своей исследовательской работе руководствоваться марксистской методологией.

Октябрьская революция, широко распространив идеи марксизма-ленинизма, оказала особенно большое влияние на историографию тех стран, которые в свое время являлись колониями империалистических государств. Дж. Неру в своей книге «Открытие Индии» пишет о том, что изучение Маркса и Ленина помогло ему увидеть историю и современную жизнь в новом свете: «В длинной цепи исторических событий и общественного развития обнаружился некий смысл, некая последовательность, а будущее уже не казалось таким неясным».

Ярким свидетельством жизненной силы и творческой плодотворности марксистской историографии, с одной стороны, оскудения и бесперспективности буржуазной историографии, с другой, может служить путь развития исторической науки в народно-демократических государствах Европы и Азии. В Китае народно-демократическое государство оказало большую помощь исторической науке, создав новые научно-исследовательские институты, расширив объем археологических раскопок. Новая китайская историография, применяющая методологию марксизма-ленинизма с творческой смелостью, свойственной китайским марксистам, может отметить уже серьезные успехи в различных отраслях исторического знания.

Важное значение имеют, в частности, выводы Го Мо-жо о рабовладельческом характере социального строя древнего Китая, которые решительно порывают с традиционным для буржуазной историографии определением древнекитайского общества как феодального. Развитие марксистской историографии во всех социалистических странах Европы и Азии протекает, так же как в Советском государстве, в борьбе против буржуазной историографии. Но возможность использования опыта марксистско-ленинской историографии Советского Союза облегчает задачи историков стран социалистического лагеря.

Плодотворному развитию марксистской историографии не в малой степени способствует также тесное сотрудничество между историками Советского Союза и других стран социалистического лагеря. Это сотрудничество выражается в различных формах, начиная от совместного обсуждения определенных научных проблем (как, например, на недавно состоявшейся в Праге конференции историков и филологов-античников стран народной демократии и Советского Союза) и вплоть до коллективной подготовки некоторых научных трудов.

* * *

В 1921 г. В. И. Ленин говорил о дне торжества первой социалистической революции: «Чем дальше отходит от нас этот великий день, тем яснее становится значение пролетарской революции в России».

Ход исторического развития за последние сорок лет еще лучше помог уяснить определяющее значение Великой Октябрьской социалистической революции для всех сторон общественной жизни.

Социалистическая революция спасла историческую науку от деградации, на которую обрекало ее господство реакционной буржуазной идеологии, открыла перед ней новые широкие горизонты и создала все условия, необходимые для плодотворной творческой работы, для содействия строительству коммунизма.

